

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1416-1424
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1416

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Forest and Forest Guards in the System of the Central Asian Possessions of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries

Gyulnar K. Mukanova ^{a, *}, Satay M. Syzdykov ^b, Samat Zhumatay ^b, Assemgul S. Temirkhanova ^c

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

^b Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Republic of Kazakhstan

^c North Kazakhstan University named after M. Kozybayev, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

Abstract

State priorities in the field of protection and conservation of natural resources are strategic, which is evident from the historical experience of a number of European monarchies in England, France, Russia, etc. In the context of a growing shortage of moisture in the expanses of Central Asia, the “forest” theme is relevant. The study of the historical experience of relations between various social strata, within the framework of the imperial model, through the prism of the “forest” issue, is important in the context of identifying trends towards the centralization of the natural resource management system in remote regions. A critical analysis of thematic archival sources, narratives and published works on the history of the forest possessions of the Russian Empire and, in particular, the Turkestan and Steppe territories is carried out. Within the framework of the topic, the role of the forest guard in the implementation of imperial policy in the XIX – early XX centuries is studied. To analyze the historical mission of the forest guard at the beginning of the twentieth century, an analysis of facts and their interpretation was carried out, in particular, from the history of the requisition of “foreigners” for rear work in 1916 and mass unrest. The materials on the uprising of 1916 were studied in detail, sources from the central and regional archives of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, memoirs, etc. were involved. The scientific methods and approaches we use are traditional: analysis and synthesis, comparative, the principle of historicism, verification of sources, etc. A previously unexplored layer of problematic issues of conservation and exploitation of forests within the designated geographical areas was raised the framework in the XIX – early XX centuries. On the basis of the studied special literature and sources, trends in the evolution of the imperial right of ownership and use of state-owned forests and the social code of relations between forestry and local residents were identified.

Keywords: history, Central Asia, Russian Empire, Turkestan, forest, government cottages, steppe, Kazakhs, code, guards.

1. Введение

Кодификация взаимоотношений, коммуникаций, которые возникают относительно того или иного вопроса, касающегося интересов различных социальных страт, – типичное явление в рамках отдельно взятого государства. Существуют разновидности Кодексов (чести служащих, земельный и т.д.), регулирующих возможные взаимоотношения, в том числе спорные, требующие при необходимости решительных действий и принятия процессуальных решений. Принятие Кодекса предполагает правовое поле, в рамках которого его применяют, на него ссылаются, и возникают исполнители данного акта, подчиняющиеся прописанным в Кодексе нормам. Безусловно, и Лесной Кодекс имеет свою историю. Происхождение его было связано с необходимостью сохранности природных ресурсов государством,

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova), satay14@mail.ru (S.M. Syzdykov), kopeev95@mail.ru (S. Zhumatay), asema_sko@inbox.ru (A.S. Temirkhanova)

в связи с чем, как правило, регулировались подразделения, их охраняющие, а также их полномочия, функции и т.д. То есть создавался круг обязанностей и прав вокруг «лесного» вопроса.

В Российской империи леса со времен Петра I были востребованы в государственных масштабах (строительство мачт и оснастка флотилии, возведение столицы, прокладывание рельсов, изготовление мебели и т.п.), и собственно лесосплав был обычным занятием в районе полноводных рек. Лес становился товаром, достаточно ценились продукты его переработки. Со временем изменились запросы государствующей элиты, расширились функции лесной стражи по мере приращений территории Российской империи. К началу XX века лесничество и объездчики стали олицетворять собой оплот династии Романовых как внутри государства, так и на имперских окраинах. Соответственно, исследование роли конкретной социальной страты представляется актуальным.

2. Материалы и методы

2.1 В ходе исследования были использованы источники из российских и центральноазиатских архивохранилищ: Центральный государственный архив Республики Казахстан (Алматы, Казахстан), Государственный архив Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Национальный архив Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан), Центральный архив Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан); региональных – Государственный архив Алтайского края (Барнаул, Российская Федерация), Исторический архив Омской области (Омск, Российская Федерация), Государственный архив Алматинской области (Алматы, Казахстан) и др. Содержание архивных материалов отражает специфику изучаемой эпохи и особенности практических методов управления краем колониальной администрации. В изученных материалах имеются переписка имперских ведомств, донесения генерал-губернаторов по инстанциям, рапорты и телеграммы, порядок рассмотрения жалоб семиреченцев на действия лесной стражи и др. Большим подспорьем для исследователей оказываются изданные своды имперских законодательных актов (ПСЗРИ), а также опубликованные в периодической печати копии документов по истории восстания 1916 года в Туркестане, Джизаке (см. «Красный архив» и др.).

2.2 Тема изучается на основе признанных в современной методологии междисциплинарных подходов. Используются общенаучные методы гуманитарных и социальных наук, а именно истории, экономики, антропологии, этнологии. Для достижения поставленной цели и задач использованы методы идентификации и верификации источников; метод анализа и синтеза, компаративный метод, а также методы дедукции и индукции, статистические (количественные) и проч.

3. Обсуждение

Леса евразийского материка подлежали кодификации в законодательстве империй еще в раннем средневековье. Французский двор и Голландская и Английская монархии тщательно регулировали принадлежность лесных массивов короне. В 70 годы XX века в медиевистике активизировалось изучение истории природной среды и ее влияния на хозяйственную жизнь (Филиппов, 2021: 12). Исследования советских историков способствовали в целом возрождению интереса к аграрной истории материка (Серовайский, 1977: 9). Леса в таком случае рассматривались не столько как ресурс, сколько как объект права собственности, владения и т.п.

О том, что лесам было придано государственное значение велением российского императора Петра, свидетельствует Указ от 19 ноября 1703 года, и за порубку леса вдоль крупных рек (Дон, Волга) полагалось строгое наказание вплоть до смертной казни, пишет С. Сутягин (Сутягин, 2011: 460). При Павле Первом был создан Лесной Институт в Петербурге в 1803 году, который в 1837 году был военизирован (Сутягин, 2011: 461).

В целях сохранения лесов, столкнувшись с ужасающими последствиями их вырубки в центральной части Российской империи, в 1888 году было издано «Положение о сбережении лесов». Лесные массивы стали подразделять по принадлежности. Так, к 1914 году из общей площади лесов Европейской части России 66 % составили казенные, 22 % – частные владения, 8 % – крестьянские, 4 % – удельные и проч. (ПСЗРИ, 1888: 148-155).

Имеющиеся доступные исследования на постсоветском пространстве можно было бы объединить как описательные в части изложения истории переселенческого движения и освоения лесных богатств отдаленных регионов Российской империи (Калашников, Афанасьев, 2018: 16-20). Публикации основаны на фундаментальных законопроектах, явившихся теоретической базой для организации практической работы на местах, где приходилось приспособлять громоздкий бюрократический механизм к реалиям. Поэтому любопытны результаты многолетних исследований Шейнгауза (2008) и Шибаева (2014).

Тем не менее, в советской и частично постсоветской историографии тема «переселенцы и лес» не охватывает такой аспект, который выбран нами, а именно кочевые этносы и лес в новых условиях насильственного ограничения хозяйственного пространства и присутствия лесной стражи в непосредственной близости к очертам казахских пастбищ.

Кочевничество в данном контексте следует понимать как «форму динамического равновесия в естественно-природных и социально-экономических процессах, как специфическую форму адаптации,

жизнедеятельности и жизнеобеспечения человека в определенных экологических нишах» (Масанов, 2000: 85). Экосистема Степного края на примере Акмолинской и Семипалатинской областей была освоена казахами достаточно полно. Помимо иных полезных свойств применения, в лесу можно было разжиться топливным ресурсом в холодное время года. Если на дальневосточных окраинах освоение леса и его заготовка, торговля и экспорт ассоциировались с трудовым подвигом, патриотизмом, то в землях «за Уралом» и среднеазиатской части империи процесс происходил обыденно и в противостоянии (большей частью негласном) с коренными жителями. Плотность заселенности в рассматриваемых областях была намного больше, чем, к примеру, на Дальнем Севере и Востоке. Ущемление зон выпаса скота для кочевых народов сродни стихийному бедствию (Масанов, 2000: 75).

Профессор истории Университета Миссисипи (США) Stephen Brain (Brain, 2011) считает, что «к моменту революции 1905 года в лесной науке России проявился «романтический» уклон, когда теория «типов древостоев» требовала от лесоводов учитывать местные виды и условия при разработке планов восстановления лесов. То есть существовал своего рода научно обоснованный подход к организации лесного хозяйства. Однако впоследствии все эти мероприятия утратили актуальность, что привело к хищнической вырубке лесов.

Brian Bonhomme, доцент кафедры русской истории в University of Central Arkansas (США) в своем исследовании уделяет значительное внимание событиям в лесном хозяйстве России конца девятнадцатого и дореволюционного двадцатого веков, что весьма ценно (Bonhomme, 2005). Большинство же исследователей останавливаются на советских реформах, в том числе лесной отрасли, что не входит в хронологические рамки нашей статьи.

Коллективный труд британских, французских и кыргызских историков (A. Morrison, C. Drieu, A. Chokobaeva) посвящен малоизученным аспектам восстания 1916 года в Средней Азии (Morrison et al., 2021). В данном сборнике статей тема лесной стражи и ее места и роли в событиях 1916 года в регионе специально не рассматривалась.

В целом обзор имеющейся специальной литературы, в частности советского периода, выявляет недостаточную изученность социального контекста отношений между автохтонным населением имперских владений центрально-азиатского региона, с одной стороны, и лесными стражниками как преимущественно контактной части военизированного имперского контингента, с другой. Между тем именно модели поведения стражников во взаимоотношениях с казахами и кыргызами следует рассматривать как фактор, возможно спровоцировавший массовые волнения в преддверии реквизиции и последовавших глобальных событий.

4. Результаты

По мере распространения имперских границ в Степь проникали новые правила поведения в лесу. Соответственно, формировался контингент лесных стражников, которые в традиционном сознании кочевников олицетворяли власть, запреты и ограничение передвижения. В этом смысле лесные стражники сразу же стали чуждым элементом для казахов, тем более что оружие в руках стражников представляло реальную угрозу. И хотя для кочевого типа хозяйствования леса, в отличие от степных пастбищных угодий и предгорных долин, представляли относительно меньший интерес, тем не менее значение лесных массивов для местных жителей они имели. Лесостепная зона занимает, по мнению специалистов, 7 % территории Казахстана на северо-западе, севере и северо-востоке страны. Здесь в среднем за год выпадает от 250 до 350-400 мм осадков (Масанов, 2000: 13). Это больше сезонных осадков в других областях на юге и юго-западе.

Добываемые в лесу пушное мелкое зверье, орехи и ягоды, хворост, кора (береста) деревьев использовались в хозяйстве. Собственно наличие деревьев на землях предков, наследуемых сыновьям, признавалось как часть собственности рода. Топонимические наименования также отражают принадлежность определенному лицу данного конкретного леса («Айбардың *ағашы*», «Ақназардың *ағашы*» и др.) или обозначение цветовой гаммы («Қызылағаш» (в переводе «Красный лес»), «Сарыағаш» («Желтый лес»)» «Шұбарағаш» («Пестрый лес») и др. Казахская лексика содержит множество названий деревьев: тал, терек, арша, кайын, о чем писал исследователь Герольд Бельгер (Бельгер, 2003: 87). Это означает, что казахский язык сохранил издревле используемые в быту и ценившиеся предметы окружающей среды.

По мере вступления в непосредственный контакт кочевого казахского населения Степного края, а затем и Западного Туркестана, с первыми казачьими отрядами в районе городов-крепостей (Уральск, Оренбург, Петропавловск, Павлодар, Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск) в середине и второй половине XVIII в. статус лесов претерпевал изменения не в пользу автохтонного населения. Привычный образ жизни оседлых этносов предполагает походы в лес, что приводило к столкновению интересов: места привычной охоты и сбора лесных даров, той же древесины для изготовления остова юрт, телег (арба), домашней утвари, оказывались заняты казаками. Не будучи защищаемы имперским судом как собственники лесных угодий, казахи нередко оказывались в положении жертв ситуации. Теперь им приходилось признавать, что часть лесов вовсе недоступны как «казенные», а другая часть перешла в собственность какой-нибудь станицы.

О роли лесов в хозяйственном цикле и о ментальности казахов-кочевников писал еще в середине XIX века казахский этнограф Чокан Валиханов (1835–1865). Ученый Валиханов описал реликтовые верования казахов, такие, как «Тенгри» в очерке «Тенгри Бог» ([Классические исследования, 2013: 67-73](#)), и среди демонических мифологических образов приводил следующие: «сорель» (леший), «кон-аяк», «жезтырнак» и проч. Сорель – это обитатель лесов, имеющий вид человека, с чрезмерно длинным туловищем, оно «...так длинно, что он (сорель) бывает равен с лесом» ([Классические исследования, 2013: 69](#)). Живущие в лесах кон-аяк и жезтырнак в мифологии казахов представляли опасность для путников. Наличие перечисленных существ-демонов в мифах, сказках и легендах, передававшихся казахами изустно, в действительности свидетельствует о естественно образующихся контактах этноса с лесом как природным ресурсом. Ведь понятие о существах, подобных лешему, было у многих других народов, оседлых в том числе, то есть традиция создавать образы лесных существ издревле присуща людям и запечатлена чаще всего в фольклоре.

В другом историко-этнографическом очерке «Казахское родословие» Ч.Ч. Валиханов отмечал, что знаменитый кобызшы – степной бард, владевший игрой на струнном инструменте кобызе, исполняя плач по Ормамбету, передавал так драму утери: «Когда сто тысяч ногайцев взволновались, когда Ормамбет-бий умер (1600 г.) и самые черные леса загорелись» ([Классические исследования, 2013: 111-112](#)). В данном контексте потеря авторитетного члена сообщества как бы соразмерна с массовым народным волнением и пожаром в тайге («самые черные леса»), который, как известно, трудно потушить. Так, на рубеже XVI–XVII столетий тюркские этносы (ногаи, казахи, др.) ценили лесные ресурсы и неслучайно в назидание потомкам в эпосах сохранили указанные выше строки. Примечательно, что и имя «Ормам-бет» (другой вариант написания – «Орманбет») состоит из двух составных частей; у тюрков «Орман» означает «лес». «Қара орман» или «черные леса», то есть густые, частично рифмуются с именем бия.

Валиханов интересовался не только фольклорными сведениями, но и современными социальными процессами. Известно, что его взгляды формировались не без влияния родного дяди, известного степного деятеля Чорманова (Шорманова) Мусы. Мнение казахского авторитетного управителя запрашивали колониальные власти. Составление записок на русском языке дядя поручал Чокану. Одна из таких записок, адресованная генерал-губернатору Западной Сибири от имени М. Чорманова, датируется мартом 1864 года и была подготовлена Ч. Валихановым, она касалась вопроса кочевков казахов Баян-Аульского приказа. Документ этот за подписью М. Шорманова сохранился в Историческом архиве Омской области ([ИАОО. Ф. 3. Оп. 5. К-697. Л. 1-31](#)). Данную записку следует идентифицировать как совместный труд М. Чорманова и Ч. Валиханова на острую тему ограждения территорий казахских кочевий Среднего жуза от возможных ущемлений.

В данном контексте представляет интерес тот факт, что в записке «О кочевках казахов» Шормановым и Валихановым затронут вопрос о лесах Баян-Аульского края. Авторы записки подчеркивают: «Для зимовок требуются густые леса или лесистые горы, вообще места, которые могут защищать скот от зимних непогод» ([Классические исследования, 2013: 125](#)). И далее: «... для успеха скотоводства необходимы: 1) обилие земли и большой район для кочевков. 2) густые леса или лесистые горы для зимовок и открытые, привольные, безлесные места, обильные водою для летних пастбищ» ([Классические исследования, 2013: 126](#)). Содержание записки Ч. Валиханова касалось обширной территории: Кокчетавский округ, северная часть Акмолинского и Внутренний округ Семипалатинской области. Обозначенные области были покрыты лесами и отличались богатым травостоем ([Классические исследования, 2013: 126](#)). Также в записке указан Каркаралинский округ, где имеются «...уютные зимовки в лесистых горах Кент и Казылык и в камышистых прибрежьях Балхаша» ([Классические исследования, 2013: 127](#)). По Баян-аульскому округу авторами записки упомянуты «лесистые горы Баян-Аул и Ереймен...», которые позволяют казахам уберечь скот от ветров и холодов ([Классические исследования, 2013: 127](#)).

То есть еще в 1864 году казахские султаны, осознавая всю ответственность, предупреждали омскую администрацию о том, «...что при предстоящем размежевании земель для Баян-Аульской станицы было бы справедливым прежде всего наделить зимовками и лесными участками коренных жителей казахов» без стеснения казахов в их пастбищах ([Классические исследования, 2013: 1270](#)). Потанин в своих воспоминаниях о Чокане Валиханове приводит интересный факт, что казахский юноша использовал слово «орман» (лес) для характеристики окрестностей Омска ([Классические исследования, 2013: 317-318](#)).

Слово «орман» присутствует в шежире (родословные) казахов, оно также зафиксировано в письменных источниках, и одним из первых записал это название рода известный фольклорист Машгур Жусип Копеев. Например, есть казахский род Жолболды (Орманшы) ([Қазақстан тарихы, 2010: 207-210](#)).

О роли лесов у тюркских народов писал и Радлов. К примеру, характеризуя хозяйственный тип казахов, в сочинении «Из Сибири» Радлов пишет: «Для зимней стоянки необходимо место, по возможности обеспечивающее скоту защиту от непогоды в это суровое время года: или в лесистой местности, или в низкой речной долине, укрытой от ветра» ([Классические исследования, 2013: 159](#)). В статье «Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов у казахов и сибирских татар» Радлов упоминает «поверье о духах, населяющие леса» – женщинах с медными когтями, «жезтырнак», «жалмауз» ([Классические исследования, 2013: 239](#)). Востоковеды таким образом отмечали большое значение леса для степных кочевников, казахов в частности.

У разных этносов империи лесные массивы использовались в зависимости от ситуации. К примеру, были особенности эксплуатации лесов башкирами. Из публикаций З. Хасановой (Хасанова, 2018: 105-112) следует, что леса у башкир именовались «собственные дачи», которые они могли сдавать в аренду на определенный срок богатым владельцам заводов и получать компенсацию.

Несмотря на эти научно обоснованные рекомендации, царская администрация не учитывала здравомыслящих советов и упорно насаждала лесных стражей на присоединенных территориях империи. «Лесные дачи» приписывались и к станичным казакам, которые совмещали службу с охраной леса. Отдельные циркуляры за 1907-1908 годы, содержащие как описание лесных дач войска, так и переписку о войсковых лесах, свидетельствуют о новых «владельцах» лесов в пределах Степного генерал-губернаторства (ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2405. Л.1-14).

Как следствие, социальные отношения на местах вокруг «лесного» вопроса становились все более натянутыми, поскольку местное население неодобрительно отнеслось к пришельцам. Социальный кодекс был односторонне нарушен, и последствия не заставили долго себя ждать. Разве не лучше было бы обучить лесному делу лиц из числа местных жителей и тем самым снять остроту потенциального конфликта? Если это не было предусмотрено, то не означает ли это, что правительство не стремилось к распространению знаний и предпочло навязать социумам спущенный «сверху» исполнительный аппарат, предназначение которого заключалось в запугивании местного населения и удерживании его в подчинении?

Социальный протест против ограничений в общественном пользовании лесом был закономерным следствием политики монархов. Так, например, формы, характер и тенденции «народной борьбы против института заповедных королевских лесов» (Серовайская, 1975: 162-178) в Англии XI-XIV вв. аналогичны тем, какие зафиксированы в Туркестанском и Степном краях Российской империи.

Социальная ситуация стала еще более напряженной по мере прибытия в край потока переселенцев в связи с реформой Столыпина. Из материальной нужды, не имея по месту прибытия обещанного жилья, переселенцы решали проблему просто: рубили на возведение срубов без разбору близлежащие леса. Своего рода «лесная революция» сопровождалась перепиской ведомств (Mukanova et al., 2024: 951).

Экосистема лесостепной полосы подвергалась перманентному воздействию. Варварское освоение лесов было характерной чертой периода. Так, Н. Чернов, исследовавший историю берегательных технологий леса на Урале, пишет: «...правила рубки леса не соблюдались и в целом носили бессистемный характер, велись «наголо» или «степью», что неизбежно приводило к истощению лесов вблизи расположения железодельательных заводов» (Чернов, 1994: 25).

Усиление самовольных рубок, производившихся переселенцами, особенно в годы Первой мировой войны, доставляло немало хлопот администрации и особенно стражникам. Рубки истребляли лес, особенно вблизи крупных сел и областных центров. К тому же леса страдали от произвольных пожаров. Малочисленность объездчиков и лесников, отсутствие специального инвентаря делало их бессильными против масштабных пожаров. Они также должны были содержать лошадь за свой счет, в связи с чем в Совете министров в сентябре 1916 года по инициативе Министерства земледелия рассматривался вопрос о доплатах объездчикам и лесничим (РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1057. Л. 1-2).

Лесные стражники были вооружены ружьями, имели возможность носить холодное оружие, что в глазах неискушенных степняков ставило их на один уровень с уездным начальством. Стражники могли арестовать «нарушителей» и взять их под стражу, наложить штраф, что в период волнений 1916 года возымело обратный эффект: именно на стражников обрушилась волна гнева семей реквизированных. Так, телеграммой генерал Ерофеев докладывал военному министру 1 августа 1916 года о том, что жертвами волнений стала «лесная стража Зааминского лесничества» (НА РУ. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1140. Л. 75-78). Эта особенность была характерна как для казахских областей, так и для тех, где проживали узбеки и казахи, например, в Джизакской области, где так же «...шел нажим на население по линии лесопользования. Местное население не пускали в лес даже за хворостом» (Шестаков, 1933: 62).

К началу Первой мировой войны леса на землях, ранее принадлежавших степнякам, подразделялись на определенные категории, а именно леса крестьянских и казачьих наделов, леса казачьих дач и казенные леса. Фонды казахстанских архивов, в частности ЦГА РК, содержат массу жалоб от казахов, кыргызов на злоупотребления лесников (ЦГА РК. Ф. 44. Оп.1. Д. 6253. Л. 1-22). Документы датируются концом XIX – началом XX вв. и первыми десятилетиями, включая 1916 год.

Социальные отношения вокруг «лесной» темы складывались непросто. Сравнительный анализ этапов переселенческого движения начала XX века в разные отдаленные регионы Российской империи (Дальний Восток, Степной и Туркестанский край, Зауралье) показывает, что ситуация была примерно одинаковая. Переселенцы распоряжались земельными участками и лесами «по праву захвата», бесконтрольно, были случаи перепродаж общинных лесов до прибытия новых партий переселенцев (Шейнгауз, 2008: 128). Там же, где заботились о естественном воспроизводстве леса, запрещали выпас скота (на Урале, к примеру), что было для кочевого населения неприемлемо (Чернов, 1994: 29).

В зависимости от регионов деятельность лесной стражи различалась по всему пространству Российской империи. Так, вследствие ландшафта местности (степной, горный, равнинный) варьировался контингент и род войск. К примеру, в гористой местности (Урал, Кавказ) охрану

горнозаводских дач осуществляли вальдмейстеры или лесные смотрители, в помощь им определяли заводских казаков и работников (Шибяев, 2014: 56). Охрану лесов осуществлять могли также объездчики, выбираемые из крестьян, которые сами пользовались заводскими лесами и не состояли на заводской службе (ПСЗ РИ. Т. 29. № 22208).

В моменты социальных протестов, поскольку выполнение надзорной миссии охраны лесов было возложено на стражников (Тяпкин, Тяпкина, 2016: 145), последние воспринимались инородческим населением негативно. Ситуация проявилась и в Туркестанском крае в годы реквизиции инородцев. Неслучайно сам Куропаткин в докладе Николаю II одной из причин волнений 1916 года назвал именно злоупотребления лесной стражи. Этот вывод следовал из тех многочисленных прошений и ходатайств, что поступали в канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства в канун волнений и ранее (Мухамедов, 2016: 151-181). О взяточничестве как социальном зле, приведшем к обнищанию кыргызского населения Семиреченской области, говорилось и в обобщающих докладах по последствиям 1916 года: «...Взятки брали все: уездные начальники, пристава, податные инспектора, судьи, следователи, лесные стражники, волостные управители и т.д.» (ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 6. Д. 139. Л. 75-143об.).

Данные о последствиях восстания казахов и кыргызов 1916 года по Семиреченской области Туркестанского края также фиксируют наличие жертв именно среди работников лесничеств края (ГААО. Ф. 2. Оп. 22. Д. 10. Л. 17). Аналогичную ситуацию противостояния коренных жителей Алтайского края и лесной стражи в тот же период приводят российские коллеги (Калашников, Афанасьев, 2018: 16-20), опираясь на архивные источники (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4175, 4682, 4775 и др.). Данный исторический факт доказывает гипотезу, что, находясь в авангарде имперских военизированных подразделений, лесная стража неслучайно стала объектом негативного воздействия. Имелись случаи насилия над членами семей лесничих вплоть до физической расправы со стороны доведенных до отчаяния местных жителей и переселенцев. В основе данного социального конфликта, безусловно, лежал острый земельный вопрос, отягощенный реквизицией на тыловые работы в годы Первой мировой войны.

5. Заключение

Таким образом, в пределах изученного хронологического периода имела место естественная эволюция социальных взаимоотношений вокруг «лесного» вопроса. Лес и право владения им в пределах Российской империи изначально расценивались как собственность и приоритеты государственной казны. География законодательных актов на «лесную» тему априори распространялась на ареалы, в которых имелся так называемый «корабельный» лес, пригодный для строительства имперского флота. Созданное изначально в целях охраны корабельного леса такое подразделение, как лесная стража, постепенно обрела более широкие полномочия. В частности, ее использовали в мероприятиях по ограждению жителей новых территорий (в их числе, Среднего и Старшего казахских жузов) от лесных массивов, вошедших в собственность казны.

Лесная стража по мере расширения имперских владений и ущемления земельных наделов и пастбищ «инородцев» и крестьян стала своего рода «индикатором» социальных протестов. Коренные жители Степного и Туркестанского краев, российские подданные казахи и кыргызы в указанной схеме во временных пределах хронологии данной статьи не имели права владения и свободного пользования. Их права были ограничены нормативными имперскими актами. Иными словами, кодификация «лесного» вопроса оказалась односторонней, когда закон защищал имущество казны и давал широкие полномочия лесной страже, деятельность которой регулировалась еще и местным губернатором.

Лесная стража существовала по всей территории империи. Целевыми задачами данного вооруженного подразделения были охрана лесных угодий и так называемых «лесных дач» как имущества царской фамилии; сбережение леса; ограждение свободного посещения лесных массивов со стороны местных жителей. Поскольку лесные стражники имели доступ к пользованию дарами леса, т.е. могли кормиться за счет мелкого зверья, птицы, орехов и т.д., к тому же проживать на охраняемой территории на заимках, то их содержание для казны было менее затратным. Если же этого было недостаточно, со временем сами стражники в конце XIX – начале XX вв. начали злоупотреблять своим положением, наказывать «нарушителей», приторговывать лесом и лесными ресурсами, попутно отжимая у местных казахов хорошие пастбищные участки.

В ходе массовой реквизиции «инородцев» с лета 1916 года вооруженные стычки местного населения со стражниками и местной администрацией в Семиречье и Степном крае затянулись на несколько месяцев. Их подавление потребовало бы отвлечения военных частей с фронта, потому вновь были привлечены силы лесной стражи в деле подавления волнений. Изначально лесная стража в землях, заселенных казаками, выступала в роли социального «раздражителя» в мирное время (злоупотребления служебным положением) и инструмента давления на население окраин, «инородцев», в период массовых волнений.

Характерно, что стражники вступали невольно в противоборство и с крестьянскими общинами переселенцев, претендовавшими на беспрепятственное пользование древесиной, сухостоем и иными дарами леса, будучи в крайне сложном материальном положении. Экосистема региона значительно пострадала также от бесконтрольной вырубке со стороны крестьян-переселенцев в периоды гражданского

противостояния. О судьбах конкретных лесничих в Туркестанском и Степном краях после 1917 года, к сожалению, не сохранилось сведений. Часть их погибла в годы гражданской войны, другая часть предпочла скрывать сам факт службы в имперских подразделениях, опасаясь преследований и репрессий.

Так состоялась миссия имперской лесной стражи, предназначенная для конкретных целей охраны казенных владений. Стражники оказывались в эпицентре социальных процессов вокруг «лесной» темы, им приходилось решать различные вопросы на местах, коммуницировать с местными жителями, отчитываться перед начальством, помимо собственно содержания семьи, ухода за лесопосадками, тушения пожаров и проч.

Стражники, таким образом, ассоциировались у «иностранцев» с неким оплотом власти монархии на местах, именно через них формировался своего рода социальный кодекс вокруг «лесной» темы. Характер взаимоотношений с лесными стражами являлся своего рода социальным «барометром», в котором проявлялась общая региональная атмосфера контактов российской администрации с местными жителями и крестьянами-переселенцами.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта BR24993173.

Литература

- Арнольд, 1895 – Арнольд Ф.К. Лесоводство в Германии, Франции и России. СПб.: издание А.Ф. Маркса, 1895. 409 с.
- Бельгер, 2003 – Бельгер Г. Гармония духа. М.: Русская книга, 2003. 288 с.
- ГААК – Государственный архив Алтайского края.
- ГАОО – Государственный архив Алматинской области.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- ИАОО – Исторический архив Омской области.
- Истомина, 2014 – Истомина Э. Г. Лесное хозяйство губерний Европейской России в XIX – начале XX вв.: механизмы управления и охраны // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2014. № 17 (139). С. 169-184.
- Калашников, Афанасьев, 2018 – Калашников А.А., Афанасьев П.А. Лесная стража и лесничие глазами сельского населения Алтайского округа после событий Февральской революции // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 55. С. 18-20.
- Классические исследования, 2013 – Классические исследования. Т. 12: Ч.Ч. Валиханов, В.В. Радлов, Г.Н. Потанин. Труды по фольклору. Алматы: Әдебиет әлемі, 2013. 392 с.
- Казакстан..., 2010 – Қазақстан тарихы этникалық зерттеулерде. Т. IX: Арғын. Алматы: Алаш, 2010. 408 б.
- Масанов и др., 2000 – Масанов Н.Э. и др. История Казахстана: народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 608 с.
- Мухамедов, 2016 – Мухамедов Ш.Б. Восстание 1916 г. В Средней Азии. Взгляд в прошлое // *Метаморфозы истории*. 2016. № 7. С. 151-181.
- НА РУ – Национальный архив Республики Узбекистан.
- Положение..., 1888 – Положение о сбережении лесов // Полное собрание законов Российской империи: Собрание третье. Том VIII. СПб.: Гос. тип., 1888. С. 148-155.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Серовайская, 1975 – Серовайская Ю. Я. Крестьянские общины в системе заповедного королевского леса в Англии в XI-XIII вв. // *Средние века*. 1975. Вып. 39. С. 162-178.
- Серовайский, 1977 – Серовайский Я.Д. Развитие прав феодальной собственности на леса и пустоши во Франции в период с X по XIII вв. Алма-Ата: КазГУ, 1977. 32 с.
- Сутягин, 2011 – Сутягин С. С. Лесное законодательство в дореволюционной России: историческая преемственность и эволюция // *Юридическая техника*. 2011. № 5. С. 458-462.
- Тяпкин, Тяпкина, 2016 – Тяпкин М., Тяпкина О. Развитие законодательства об охране частных лесов Российской империи во второй половине XIX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2016. № 4 (92). С. 144-149.
- Филиппов, 2001 – Филиппов И.С. Становление феодализма в Средиземноморской Франции. Диссерт. докт. ист. наук. М., 2001. 920 с.
- Хасанова, 2018 – Хасанова З.Ф. Лесные промыслы башкир Инзерского бассейна (конец XIX – начало XXI вв.) // *История, археология и этнография Кавказа*. 2018. №1. С. 105-112.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Чернов, 1994 – Чернов Н.Н. Истоки лесокультурного дела на Урале // *Леса Урала и хозяйство в них: Сб. научных трудов Уральской государственной лесотехнической академии*. Екатеринбург, 1994. Вып. 17. С. 24-31.
- Шейнгауз, 2008 – Шейнгауз А.С. Освоение лесов Дальнего Востока и использование их продуктивности с середины XIX до середины XX вв. // *Пространственная экономика*. 2008. № 1. С. 118-146.

- [Шестаков, 1933](#) – Шестаков А. Джизакское восстание 1916 г. // *Красный архив*. 1933. № 5 (60). С. 60–91.
- [Шиббаев, 2014](#) – Шиббаев В.В. История лесного законодательства и управления лесным хозяйством Уральских горных заводов в первой половине XIX в. // *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 14. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. С. 55–57.
- [Bonhomme, 2005](#) – Bonhomme B. Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917–1929. East European Monographs, 2005. 256 p.
- [Brain, 2011](#) – Brain S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. University of Pittsburgh Press, 2011. 240 p.
- [Morrison et al., 2021](#) – Morrison A., Drieu C., Chokobaeva A. The Central Asian Revolt of 1916: A collapsing empire in the age of war and revolution. Manchester University Press, 2021. 384 p.
- [Mukanova et al., 2024](#) – Mukanova G.K., Tleubayev Sh.B., Konkabayeva A.N. Pacifism and War: the Mission of the Mullahs Among the Requisitioned Kazakhs, 1916–1917 // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 945–958. DOI: 10.13187/bg.2024.2.945

References

- [Arnol'd, 1895](#) – Arnol'd, F.K. (1895). Lesovodstvo v Germanii, Frantsii i Rossii [Forestry in Germany, France and Russia]. St. Petersburg, 409 p. [in Russian]
- [Bel'ger, 2003](#) – Bel'ger, G. (2003). Garmoniya dukkha [Harmony of the spirit]. M., 288 p. [in Russian]
- [Bonhomme, 2005](#) – Bonhomme, B. (2005). Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917–1929. East European Monographs, 256 p.
- [Brain, 2011](#) – Brain, S. (2011). Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. University of Pittsburgh Press, 240 p.
- [Chernov, 1994](#) – Chernov, N.N. (1994). Istoki lesokul'turnogo dela na Urale. Lesa Urala i khozyaistvo v nikh: Sb. nauchnykh trudov Ural'skoi gosudarstvennoi lesotekhnicheskoi akademii [The origins of forestry in the Urals. Forests of the Urals and agriculture in them: Collection of scientific papers of the Ural State Forestry Academy]. Yekaterinburg. 17: 24–31. [in Russian]
- [CSA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Filippov, 2001](#) – Filippov, I.S. (2001). Stanovlenie feodalizma v Sredizemnomorskoj Frantsii [The formation of feudalism in Mediterranean France]. Dissert. dokt. ist. nauk. M., 920 p. [in Russian]
- [GAAK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State Archive of the Altai Krai].
- [GAAO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Almatinskoi oblasti [State Archive of the Almaty region].
- [GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- [IAOO](#) – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti].
- [Istomina, 2014](#) – Istomina, E.G. (2014). Lesnoe khozyaistvo gubernii Evropeiskoi Rossii v XIX – nachale XX vv.: mekhanizmy upravleniya i okhrany [Forestry of the provinces of European Russia in the XIX – early XX centuries: management and protection mechanisms]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 17(139): 169–184. [in Russian]
- [Kalashnikov, Afanas'ev, 2018](#) – Kalashnikov, A.A., Afanas'ev, P.A. (2018). Lesnaya strazha i lesniche glazami sel'skogo naseleniya Altaiskogo okruga posle sobytii Fevral'skoi revolyutsii [Forest guards and foresters through the eyes of the rural population of the Altai District after the events of the February Revolution]. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta. Istoriya*. 55: 18–20. [in Russian]
- [Khasanova, 2018](#) – Khasanova, Z.F. (2018). Lesnye promysly bashkir Inzerskogo basseina (konets XIX – nachalo XXI vv.) [Forest crafts of the Bashkir Inzer basin (late XIX – early XXI centuries)]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza*. 1: 105–112. [in Russian]
- [Klassicheskie issledovaniya, 2013](#) – Klassicheskie issledovaniya. T. 12: Ch. Valikhanov, V. Radlov, G. Potanin. Trudy po fol'kloru [Classical studies. Vol. 12: Ch. Valikhanov, V. Radlov, G. Potanin. Works on folklore]. Almaty, 2013. 392 p. [in Russian]
- [Masanov et al., 2000](#) – Masanov, N. et al. (2000). Istoriya Kazakhstana: narody i kul'tury [The history of Kazakhstan: peoples and cultures]. Almaty, 608 p. [in Russian]
- [Morrison et al., 2021](#) – Morrison, A., Drieu, C., Chokobaeva, A. (2021). The Central Asian Revolt of 1916: A collapsing empire in the age of war and revolution. Manchester University Press, 384 p.
- [Mukanova et al., 2024](#) – Mukanova, G.K., Tleubayev, Sh.B., Konkabayeva, A.N. (2024). Pacifism and War: the Mission of the Mullahs Among the Requisitioned Kazakhs, 1916–1917. *Bylye Gody*. 9(2): 945–958. DOI: 10.13187/bg.2024.2.945
- [Mukhamedov, 2016](#) – Mukhamedov, Sh.B. (2016). Vosstanie 1916 g. V Srednei Azii. Vzglyad v proshloe [The Uprising of 1916 in Central Asia. A look into the past. *Metamorfozy istorii*. 7: 151–181. [in Russian]
- [NA RU](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [National Archive of the Republic of Uzbekistan].
- [Polozhenie..., 1888](#) – Polozhenie o sberezhonii lesov. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: Sobranie tret'e [Regulations on forest conservation. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. The third meeting. Vol. VIII. St. Petersburg, 1888. Pp. 148–155. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Serovaiskaya, 1975 – *Serovaiskaya, Yu.* (1975). Krest'yanskije obshchiny v sisteme zapovednogo korolevskogo lesa v Anglii v XI-XIII vv. [Peasant communities in the system of the protected royal forest in England in the XI-XIII centuries. *Srednie veka*. 39: 162-178. [in Russian]

Serovaiskii, 1977 – *Serovaiskii, Ya.D.* (1977). Razvitie prav feodal'noi sobstvennosti na lesa i pustoshi vo Frantsii v period s X po XIII vv. [The development of the right of feudal ownership of forests and wastelands in France in the period from the X to the XIII centuries]. Alma-Ata, 32 p. [in Russian]

Sheingauz, 2008 – *Sheingauz, A.S.* (2008). Osvoenie lesov Dal'nego Vostoka i ispol'zovanie ikh produktivnosti s serediny XIX do serediny XX vv. [The development of forests of the Far East and the use of their productivity from the middle of the XIX to the middle of the XX centuries]. *Prostranstvennaya ekonomika*. 1: 118-146. [in Russian]

Shestakov, 1933 – *Shestakov, A.* (1933). Dzhizakskoe vosstanie 1916 g. [The Jizzakh uprising of 1916]. *Krasnyi arkhiv*. 5(60): 60-91. [in Russian]

Shibaev, 2014 – *Shibaev, V.V.* (2014). Istoriya lesnogo zakonodatel'stva i upravleniya lesnym khozyaistvom Ural'skikh gornykh zavodov v pervoi polovine XIX v. [The history of forest legislation and forestry management of the Ural mining plants in the first half of the XIX century. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Is. 14. Yekaterinburg. Pp. 55-57. [in Russian]

Sutyagin, 2011 – *Sutyagin, S.S.* (2011). Lesnoe zakonodatel'stvo v dorevolutsionnoi Rossii: istoricheskaya pravopremestvennost' i evolyutsiya [Forest legislation in pre-revolutionary Russia: historical succession and evolution. *Yuridicheskaya tekhnika*. 5: 458-462 [in Russian]

Tyapkin, Tyapkina, 2016 – *Tyapkin, M., Tyapkina, O.* (2016). Razvitie zakonodatel'stva ob okhrane chastnykh lesov Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX v. [The development of legislation on the protection of private forests of the Russian Empire in the second half of the XIX century. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(92): 144-149. [in Russian]

Kazakstan..., 2010 – Kazakstan tarikhy etnikalyk zertteulerde. T. IX: Arɣyn [History of Kazakhstan in ethnic studies. Volume IX: Argyn]. Almaty: Alash, 2010. 408 p. [in Kazakh]

Лес и лесная стража в системе центральноазиатских владений Российской империи в XIX – начале XX вв.

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a,*}, Сатай Максutowич Сыздыков ^b, Самат Жуматай ^b, Асемгуль Сериковна Темирханова ^c

^a Институт истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^c Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Республика Казахстан

Аннотация. Государственные приоритеты в области охраны и сбережения природных ресурсов являются стратегическими, что очевидно на историческом опыте ряда европейских монархий Англии, Франции, России и др. В условиях растущего дефицита влаги на просторах Центральной Азии «лесная» тема является актуальной. Изучение исторического опыта отношений различных социальных слоев в рамках имперской модели через призму «лесного» вопроса важно в контексте выявления тенденций к централизации системы управления природными ресурсами отдаленных регионов. Проведен критический анализ тематических архивных источников, нарративов и опубликованных работ по истории лесных владений Российской империи и, в частности, Туркестанского и Степного краев. В пределах темы изучена роль лесной стражи в реализации имперской политики в XIX – начале XX вв. Для анализа исторической миссии лесной стражи в начале XX столетия проведен анализ фактов и их интерпретации, в частности, из истории реквизиции «инородцев» на тыловые работы в 1916 году. Детально изучены материалы о восстании 1916 года, привлечены источники из центральных и региональных архивов Российской Федерации и Республики Казахстан, мемуары и др. Применяемые нами научные методы и подходы традиционны: анализ и синтез, сравнительный, принцип историзма, проверка источников и т.д. Был поднят ранее неизученный пласт проблемных вопросов сохранения и эксплуатации лесов в пределах обозначенных географических рамок XIX – начала XX вв. На основе изученной специальной литературы и источников были выявлены тенденции к эволюции имперского права владения и пользования казенными лесами и социального кодекса отношений лесничеств с местными жителями.

Ключевые слова: история, Центральная Азия, Российская империя, Туркестан, лес, казенные дачи, степь, казахи, кодекс, стража.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова), satay14@mail.ru (С.М. Сыздыков), kopeev95@mail.ru (С. Жуматай), asema_sko@inbox.ru (А.С. Темирханова)